
Н. М. ДЫЛЕВСКИЙ

**«Рекъ Боянь и ходы на» или «рекъ Боянь и Ходына»
в тексте «Слова о полку Игореве»**

Памяти непревзойденного знатока и
проникновенного исследователя и публи-
катора «Слова о полку Игореве» академи-
ка Д. С. Лихачева.

Раздельное прочтение словосочетания *ходы на* в выражении «Рекъ Боянь и ходы на Святъславля пѣтворца стараго времени Ярославля Ольгова Коганя хоти» в первом издании «Слова о полку Игореве» (С. 44) и в Екатерининской копии продержалось долгое время¹ и было поколеблено спустя много десятилетий конъектурой И. Е. Забелина, предложившего слитное прочтение слов *ходы на*, превратившее их в словоформу Ходына.²

В XX столетии это прочтение было принято академиком Д. С. Лихачевым,³ а вслед за ним Л. А. Дмитриевым, А. Г. Степановым, А. Ю. Черновым, Н. А. Мещерским и другими переводчиками. Специально обосновал это прочтение А. В. Соловьев.⁴

Сопоставим оба прочтения и посредством привлечения выверенных лингвограмматических свидетельств, подкрепленных историческими данными и логическими суждениями, попытаемся вскрыть их приемлемые и убедительные и, напротив, уязвимые стороны.

* * *

---

¹ См.: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В. Л. Виноградова. Л., 1984. Вып. 6. С. 124—126.

² Забелин Ив. Заметка об одном темном месте в «Слове о полку Игореве» // Археологические известия и заметки, изданные имп. Московским археологическим обществом. 1894. № 10. С. 298—301.

³ Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950. С. 74.

⁴ Соловьев А. В. Восемь заметок к «Слову о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 374—376.

Словоформа *ходы* в раздельном чтении словосочетания *ходы на* понимается принявшими его комментаторами и переводчиками «Слова» неоднозначно. Для одних — это форма прошедшего времени глагола *ходить*—*идти*, для других — форма множественного числа существительного *ходъ* в значении «поход». Но следует категорически отвергнуть возможность существования в древнерусском языке глагольной словоформы 3-го л. ед. ч. прошедшего времени с окончанием *-ы*. Закономерным и единственным окончанием могло быть только *-и*. Возможны, однако, два допущения: окончание *-ы* в *ходы* — описка писца рукописи «Слова», попавшей в руки первых издателей, сохраненная ими и причинившая немало затруднений в прочтении, понимании и переводе слова *ходы*. Однако такая грубая описка, исказившая понятное слово *ходи*, едва ли могла прокрасться в рукописный текст «Слова» незамеченной. Смысловая значимость подобной описки едва ли позволила бы ускользнуть и от внимания первых публикаторов «Слова», для которых слово *ходы* стало камнем преткновения.

Еще труднее поверить в то, что первые издатели «Слова» могли совершенно необоснованно отважиться на подстановку *-ы* вместо *-и* в словоформе *ходи*, если таковая была в рукописи «Слова», и превратить общепонятное слово *ходи* в неведомое *ходы*. Наиболее убедительна и приемлема версия о первичности и подлинности словоформы *ходы* и о перенесении ее из рукописи в печатный текст издания 1800 г.

Рассмотрим теперь оборот *ходи на* в древнерусской речи, порчу которого склонны видеть комментаторы. Наблюдения показывают, что широко распространенными в древнерусском языке были обороты не с глаголом *ходити*, а с глаголами *идти* и *поити*: *иде на* и *поиде на*, которые мы постоянно встречаем, например, в языке «Повести временных лет»: «Иде Олегъ на сѣверяне», «Иде Олегъ на Греky», «Иде Святославъ на Дунай на Болгары»,⁵ «Поиде Олегъ, поимъ воя многи», «Поиде Ярополкъ на Олга», «И поиде на Ярополка»⁶ и другие случаи. Среди многочисленных примеров с *иде* и менее частых с *поиде* в языке летописи встретились и фразы аналогичного типа с глаголом *ходити*: «Ходи Володимерь, сынъ Всеволожь, и Олегъ, сынъ Святославль, ляхомъ в помочь на чехы», «Ярославъ ходи на ятвязь».⁷ Примеры эти, хотя и более редкие среди многочисленных случаев с *иде на*, служат доказательством существования в древнерусском языке и речевого оборота с словоформой *ходи*, но с конечным *-и* в ней, а не с *-ы*, какое мы видим в загадочном *ходы*! Редкость употребления оборота с глаголом *ходити* объясняет, почему он не превратился в речевое клише, подобное оборотам с *иде* и *поиде*, а конечное *-ы* в *ходы* резко отграничивает его от словоформы *ходи*.

Рассмотрим теперь конъектуру, предлагающую видеть в слове *ходы* форму множественного числа слова *ходъ* со значением «поход». Начнем с того, что слово *ходъ* в этом значении не зарегистрировано в языке памятников древ-

⁵ См.: Повесть временных лет / Подгот. текста, перевод, статьи и коммент. Д. С. Лихачева. 2-е изд. СПб., 1996. С. 14, 16, 31.

⁶ Там же. С. 14, 35, 36.

⁷ Там же. С. 85, 125.

нерусской письменности, во всяком случае его нет в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского.⁸ К сделанной констатации присоединим и еще одно соображение. В древнерусском языке наряду со словом *ходъ* — «движение» бытовало и аналогичное ему по морфемной структуре слово *ловъ* (мн. ч. *ловы*) — «охота» в летописных записях, упоминающих об охотничьих забавах русских князей. Выражения «Ловъ дѣюще Свѣналдичю, именемъ Лють», «бѣ бо ловы дѣя Олегъ» встречаются в «Повести временных лет».⁹ Свидетельством распространенности этого выражения служит и употребление его Владимиром Мономахом в его Поучении: «А се тружахъся, ловы дѣя», «Еже было творити отроку моему, то сам есмь створилъ, дѣла на войнѣ и на ловѣхъ».¹⁰ К ним могут быть прибавлены и другие подобные примеры. Коль скоро в древнерусском речевом обиходе и в летописных статьях нашли упоминания сугубо личные охотничьи пристрастия князей, то тем более в них должны были встретиться клише для обозначения деяний князей по защите отеческих владений — их *ходы* — «походы», отражающие вражеские нападения и избавляющие отечество от грозящей опасности. Но в древнерусских текстах не встречаются речевые обороты с существительными *ходъ*, *ходы*: *ходы дѣя*, *изыде на ходы*, *на ходѣх* и т. п. по модели *ловы дѣя*, *изыде на ловы*, *на ловѣх*. Почему? Видимо, потому, что у слова *ходъ* не было значения «поход». Следует добавить, что слово *ходъ* даже в обычном значении — «движение» — редкий гость в древнерусских текстах. В просмотренных мною памятниках древнерусской письменности это слово встретилось лишь во фразе «Яко же свѣтъль мѣсяць <...> по земли и по морю плывущимъ и ходящимъ свѣтъ освѣщая, безъ облазны ходъ творить комуждо» в «Слове о расслабленном» Иоанна Златоуста в Успенском сборнике.¹¹

Несмотря на редкое употребление слова *ходъ* в древнерусском языке, оно дошло до нашего времени и приобрело 15 значений, за исключением значения «поход», и как библеизм проникло в стихотворение А. С. Пушкина «Пророк»: «И внял я неба содроганье <...> И гад морских подводный ход...».

К вящей убедительности всего сказанного о слове *ходъ* уместно напомнить суждение Д. С. Лихачева о творческих приемах автора «Слова», бравшего в свой язык преимущественно общее, а не случайное, предпочитавшего укоренившееся, устоявшееся, добавлю я, в древнерусском языке его времени. А таким не могло быть слово *ходъ*, не употребляемое в значении «поход» в языке древнерусской письменности. Мог ли автор «Слова» позволить подобное нарушение своего творческого канона?!

Нуждается в ответе и недоуменный вопрос о причинах, побудивших, согласного такому пониманию текста, легендарного Бояна ополчиться *ходом* — «походом» на своего собрата и «сопевца»? Ведь в выражении *иде на* имелся в виду

⁸ Срезневский. Материалы. СПб., 1903. Т. 3. Стб. 1382.

⁹ Повесть временных лет. С. 35.

¹⁰ Там же. С. 104.

¹¹ Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971. С. 409.

княжеский поход (или вообще поход) на врагов. Но о каком походе песнотворца Бояна могла идти речь в «Слове»? Однако превратные прочтения и толкования выражения *ходы на* привели к совершенно неудобомыслимым переводам, как, например: «Сказал Боян и конец для (меня) песнотворца Святославова, песнотворец Ярославова старого времени, Олегова княжеского» (А. С. Орлов), «Святославовых древних походов певец, Ярославовых, Ольговых, молвил так Боян» (С. В. Шервинский); «Дал Боян кончить песнотворцу Святославова, — старого времени Ярославова, Олегова княжой любимец» (Г. Штурм); «Рек Боян о походах Святославовых — песнотворец старого времени, Ярославова, Олегова, княжьего» (С. В. Ботвинник).¹² Подытоживая обзорные версии раздельного прочтения словосочетания *ходы на*, предложенных комментаторами «Слова» XX столетия, мы можем утверждать, что обе версии несостоятельны в свете данных древнерусского языка эпохи «Слова о полку Игореве», а потому обращение к ним совершенно недопустимо.

Рассмотрим теперь слитное прочтение словосочетания *ходы на*, превратившее его в словоформу *ходына*. По своей форме и по морфемному составу слово *ходына* — имя существительное, образовавшееся по модели слов женского рода праславянских *-а* основ, с корнем *ход* и суффиксом *-ына*. Синтаксически оно сопряжено посредством союза *и* с именем собственным Боянь и вместе с ним является вторым подлежащим во фразе *Рекъ Боянь и Ходына* при сказуемом *рекъ*, что дает основание считать и его именем собственным. Исследователей и переводчиков «Слова» смущал его необычный вид, впечатление, рассеивающееся при более внимательном его обследовании. Для убеждения в справедливости этого заключения отправляем интересующихся к «Словарю-справочнику „Слова о полку Игореве“», где приводится значительное число корневых образований различного рода с корнем *ход-*.¹³ Среди них могут быть выделены близкостоящие к слову *Ходына* слова: Ходота — имя местного князя племени вятичей. У лужицких славян Ходота — имя домового. Ходына — личное имя, усматриваемое И. Забелиным в названии-топониме в Новгородской области — Ходыни (XII—XIV вв.). В Подмоскovie в XIV в. получили известность речка Ходыня и Ходынка и местность Ходынка.¹⁴ Прозвище Ходыка засвидетельствовано в белорусской ономастике. В «Словаре древнерусских личных собственных имен» Н. М. Тупикова отмечено отчество мозырского крестьянина Ходынич.¹⁵ Таким образом в слове *Ходына* нет ничего из ряда вон выходящего. А если к этому добавить и чрезвычайную пестроту и невообразимую причудливость русских прозвищных имен вообще (отмеченную еще Н. В. Гоголем в «Женитьбе»), то все становится на свое место. Однако нельзя не отметить редкость словообразовательной модели слов типа *Ходына*. В «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского нам встретились только два слова

¹² См эти и другие примеры перевода в кн. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» Вып. 6 С. 124

¹³ Там же С. 126—127

¹⁴ Книга Большому Чертежу М., Л., 1950 С. 56, 121, 182

¹⁵ Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен СПб., 1903 С. 807

этого типа: *осподарына* и *Добрына*.¹⁶ Далеким отголоском слов рассматриваемого типа звучат украинские имена: Горпина (Горпына) — Агриппина, Хотина (Хотына) — Фотина, Храсина (Храсына) — Фрасина (Ефросиния) в перечне «Крестильных имен людей» в «Словаре» Б. Гринченко.¹⁷ Необходимо помнить и то, что Ходына было редким областным прозвищным личным именем.

* * *

Говоря о возможности упоминания в «Слове» двух песнотворцев, необходимо сослаться на мнение Д. С. Лихачева о вероятности амебейного (парного, антифонного) певческого исполнения, при котором первый певец (здесь — Боян) сочинял или припоминал стих, а второй (здесь — Ходына) повторял его несколько видоизмененным.¹⁸ Эта версия подтверждается и иерархическим порядком упоминания песнотворцев — первенствующего, ведущего — прославленного Баяна и вторящего ему менее известного Ходыны. Исследователи — М. И. Стеблин-Каменский и Д. М. Шарыпкин, проникая более ощутимо в глубь столетий, соотносят разбираемое нами выражение «Слова» с древнегерманской исполнительской рецитацией поэтических творений двумя певцами.¹⁹ А Н. А. Мещерский и А. А. Бурькин цитируют четверостишие одного из древнеанглийских памятников письменности (по книге: Древнеанглийская поэзия. М., 1982. С. 20):

Мы со Скиллингом возгласили
Голосами чистыми
Зычно перед хозяином
Песносказанье наше.²⁰

Как видно, в подтверждении правдоподобности версии о наличии второго подлежащего — имени песнотворца в разбираемой фразе фактологические свидетельства идут рука об руку с языковыми, грамматическими и в содружестве пролагают путь к прочтению и истолкованию остальных слов предложения.

Начнем с зачина фразы: словоформа *рекъ*. Смущающим, на первый взгляд, представляется ее несогласованность как формы единственного числа с двумя подлежащими — *Боянъ* и *Ходына*. Однако это смущение опровергается многочисленными примерами подобного несогласования, встречающимися в других памятниках древнерусской письменности. Особенно характерно оно в предложениях с начальным сказуемым, как в нашем случае, завершающихся прямой

¹⁶ Срезневский. Материалы. СПб., 1893. Т. 1. Стб. 683; СПб., 1895. Т. 2. Стб. 734—735.

¹⁷ Гринченко Б. Словарь української мови. У Києві, 1909. Т. 4. С. 548—563.

¹⁸ Лихачев Д. С. Предположение о диалогическом строении «Слова о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве». Л., 1986. С. 9—28.

¹⁹ См.: Стеблин-Каменский М. И. Древнескандинавская литература. М., 1979. С. 67—68; Шарыпкин Д. М. «Рек Боян и Ходына...»: (К вопросу о поэзии скальдов и «Слове о полку Игореве») // Скандинавский сборник. Таллин, 1973. Т. 18. С. 195—200.

²⁰ Мещерский Н. А., Бурькин А. А. Комментарии к тексту «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве. Л., 1985. С. 481 (Б-ка поэта. Большая сер. 3-е изд.).

речью.²¹ Имя *Боянь*, упоминаемое еще в граффито XII в. Софийского собора в древнем Киеве²² и не вызывающее сомнения как бытующее собственное имя в эпоху «Слова» и предшествующее ей время, и установленное нами прозвищное имя *Ходына* — два подлежащих. «Двоичность» этих собственных имен во фразе подтверждена и относящейся к ним «двоичностью» синтаксического приложения — *Святъславля пѣтворца*. Этими словами заканчивается начальная часть фразы, называющая два действующих главных персонажа, характеризующихся словами приложения. Приложение продолжено генеалого-хронологическими словарными координатами — *старого времени Ярославля Ольгова*. Заканчивается предложение словами, которые могут быть отнесены к его началу, — *Коганя хоти*. Рассмотрим более пристально все упомянутые выше слова. *Ярославля* — родительный падеж прилагательного *Ярославль*. Родовая принадлежность притяжательного *Ольгов* озадачила некоторых исследователей «Слова» и внушила им мысль о принадлежности этого имени лицу женского пола — княгине Ольге. Мысль эта ошибочна. В памятниках древнерусской письменности широко употребимо притяжательное прилагательное *Ольговъ*, *Олговъ*, образованное от собственного имени *Ольгъ—Олегъ*. Словоформы и словосочетания: *Ольгово хороброе гнѣздо* (с. 11), *Были плъци Олговы*, *Ольга Святъславличя* (с. 14—15), *за обиду Олгову, храбра и млада князя* (с. 16) встречаются и в «Слове».

Иноязычным словарным гостем во фразе является словоформа *Коганя* — притяжательное прилагательное от ориентализма *Когань*. Допустимое, на первый взгляд, окачествление словоформы *Коганя* формой родительного падежа принадлежности на поверку оказывается недопустимым. Родительным принадлежности могла быть словоформа *Коганя* только от существительного *когань* с мягким окончанием, а не от *когань* — с твердым окончанием. Прилагательное притяжательное *коганя* следует рассматривать в совокупности с существительным *хоти*, могущим быть отнесенным к словосочетанию *Святъславля пѣтворца*, что подсказывается окончанием *-и*, каким было оно в именительном падеже двойственного числа в слове *хоти*. Как видим, словосочетание *Коганя хоти* вполне закономерно по своей морфемной структуре и не вызывает сомнений.

Итак, *Коганя* — притяжательное прилагательное, восходящее к существительному *когань*, *кагань* — титулу хазарских, аварских и великотюрко-алтайских владетелей, которыми издревле во многих случаях именовали русских князей, начиная с Владимира Киевского. Под *коганом* в «Слове» подразумевают князя Олега Святославича, в конце XI в. бывшего не только Тмутороканским, но и всей Хазарии властителем — хаканом. Наименование это, под которым подразумевался древнерусский князь, по этой причине не должно быть оставлено без перевода, каким может быть архаическое прилагательное «княжий».

²¹ См.: Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков. Л., 1968. С. 186; Соловьев А. В. Восемь заметок к «Слову о полку Игореве». С. 376.

²² Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв. Киев, 1966. Вып. 1. С. 60—71.

В тексте перевода древнерусское *коганя* (в двойственном числе) должно превратиться в словоформу *княжьи (хоти)*. Сохраненное в переводе в русском звуково-структурном облике подлинника *коганя* превратится в словоформу *когановы* от слова *коган* с твердым окончанием *-н*, или, как это сделал А. С. Львов, — в *коганьи* от прилагательного *коганий*, образованного от модели *бараний, кабаний* и т. п.²³ Из них словоформа *когановы* видится более структурно закономерной как образованная непосредственно от слова *коган*, тогда как *коганьи* возникло из более поздней формы *коганий*. Но в то же время словоформа *каганьи* звуково более близка к словоформе подлинника в двойственном числе — *коганя* — обе с мягким окончанием *-нь* и *-ньи*.

Обратимся к слову *хоть*—*хоти*, наиболее трудно поддающемуся истолкованию. Слово это встречается в памятнике еще в двух фразах: «Кая раны <...> забывъ чти и живота, и града Чрънигова <...> и своя милыя хоти, красныя Глѣбовны, свычая и обычая» (с. 13—14) и «Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ <...> подъ чрълеными щиты на кровавъ травѣ притрепанъ литовскими мечи. И схоти ю (*читают*: с хогию) на кровать, и рекъ...» (с. 33—34). В первой фразе значение слова *хоть* совершенно ясно: *хоть* — «жена, любимая», что подчеркнуто определениями *милыя* и *красная*. В подтексте слова *хоть* проступает плотское, любовное чувство, как увидим дальше, искони вложенное в это слово.

Во второй фразе, явно испорченной, смысл слова улавливается труднее, в нем также ощущается момент любви. Оба случая употребления трудно совмещаются с неразгаданным значением слова *хоти* в разбираемой фразе, где оно выступает в контексте, явно указывающем на мужской пол. Эта дисгармония значений требует обратить на слово *хоти* в тексте «Слова» и в древнерусском языке более углубленное внимание.

Появление слова *хоть* в текстах древней славянской книжности следует датировать, вероятно, IX в. Оно засвидетельствовано в Геннадиевской Библии 1499 г., в тексте 2 Книги Царств (гл. 16) и 3 Книге Царств (гл. 11).²⁴

Слово *хоть*—*хоти* было, очевидно, употребительным во время создания «Слова», что позволило употребить его автору, пользовавшемуся преимущественно привычными, устоявшимися в своих значениях лексемами. Об общеславянском происхождении слова *хоть* можем судить по его употреблению в значении «жена, возлюбленная» в современном чешском языке *shot* и хорватском *shot*. Трудности возникают при переводе слова на современный русский язык. Слово *хоть* в различных языковых вариантах было известно русскому с глубокой древности. В своем основном значении оно относилось к лицу женского пола. Но в Библии, в 16-й главе Книги пророка Иезекииля, обличающего блудницу, в 33-м, 36-м и 37-м стихах этим словом названы ее любовники, т. е. лица мужского пола. Из Септуагинты это слово проникло в текст греческой

²³ Львов А. С. Лексика «Повести временных лет» М, 1975 С 200

²⁴ См соответствующие цитаты в кн. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» Вып. 6 С 135

Библии, в котором оно переведено словом *ἐραστός*, а из нее оно перешло и в славянский перевод. Мы не в состоянии из-за отсутствия надежных данных относить перевод Книги пророка Иезекииля к деятельности Кирилла и Мефодия и их учеников, но это допустимо. Поэтому нет возможности точно установить время проникновения слова *хоть* в памятники древней славянской письменности. Греческое слово *ἐραστός* переводится, согласно словарю древнегреческо-русскому, как «горячо любящий, влюбленный», «любител, ревнитель, почитатель, поклонник»,²⁵ но в церковнославянском тексте Библии оно заменено словом «рачитель». Возникает вопрос: следует ли при наличии освященного традицией перевода слова *хоти* как «рачитель» пренебречь им? Как убедимся далее, от сохранения или устранения слова *рачитель* зависит адресат слова *хоти*. Какими же другими подходящими словами оно может быть заменено? Слово *рачитель* (наряду с глаголом *рачити*) хорошо известно древнерусскому языку.²⁶ Но в «Словаре современного русского литературного языка» оно дано без пометы «устарелое», вопреки ощущаемой в нем архаичности.²⁷ И эта архаичность подводит нас к переводу «Слова». В словаре В. И. Даля мы находим толкование: «рачить, усердно стараться»,²⁸ в «Словаре литературного языка» — «рачить — заботиться о чем-либо, быть старательным, прилежным». ²⁹ Вкладывая тот же смысл в слово «рачитель» в переводе «Слова», мы превращаем *хотей* в «усердных коганевых старателей», пекущихся о его восхвалении и своим песнотворчеством.

Обратимся к переводам «Слова» в XX столетии. В 25 просмотренных переводах слова *хоти* в разбираемой фразе лишь в четырех (у Г. Шторма, Д. С. Лихачева, Ф. М. Головенченко и А. К. Югова) употреблено подходящее по контексту слово «любимцы». Остальные предложенные прочтения и переводы словосочетания *коганя хоти* совершенно неприемлемы.

Рассмотрим уместность слова-заместителя *хоти* — «любимцы». Слово «любимец» было употребительно в древнерусском языке и присуще современному русскому языку. В древнерусском Успенском сборнике мы находим, например, такие фразы: «Любимици, Епифании рода убо бѣ финикииска»,³⁰ «Хощю же, любимици мои, ину дивьную вещь повѣдати»,³¹ «придѣте, почюдимы ся, любимици, сему вѣторому Авраму». ³² Во всех случаях *любимици* — это обращение говорящего (Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина) к пастве. Обычной формой такого обращения является слово «возлюбленные». В современном русском языке слово «любимцы» имеет одно значение «любимые кого? кем?».

²⁵ Древнегреческо-русский словарь / Сост. И. Х. Дворецкий. М., 1958. Т. 1. А—Л. С. 656.

²⁶ Срезневский. Материалы. СПб., 1903. Т. 3. Стб. 110—111.

²⁷ Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1961. Т. 12. С. 1036. Однако глагол «рачити» сопровождается пометой «устар. и обл.» (Там же).

²⁸ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956. Т. 4. С. 86.

²⁹ Словарь современного русского литературного языка. Т. 12. С. 1036—1037.

³⁰ Успенский сборник. С. 253.

³¹ Там же. С. 484.

³² Там же. С. 487.

И в таком значении оно может быть употреблено в переводе «Слова». Двоякость значения слова *хоть* превратила его в два различных слова в переводе, предоставив предпочтительный выбор одного из них переводчикам. Можно предложить и другие слова, например более нейтральное с оттенком архаичности — «присные», т. е. «близкие». Важно то, что слово *хоть* могло быть и наименованием лиц мужского пола, о чем можно судить по чтениям в Книге пророка Иезекииля, о чем речь уже шла.

Тщательный анализ фразы убеждает нас в ее устремленности к характеристике Бояна и Ходыны — «хотей Когановых». Слова «старого времени Ярославля Ольгова» — экскурс, вклинившийся, но не разделяющий ее, отделяющий слова *Коганя хоти*, примыкающие к словосочетанию *Святъславля пѣтворца* в начале фразы. Эта ее тематическая цельность не должна нарушаться привходящими рассуждениями: слова *Коганя хоти* — концовка авторских слов по месту, но по смыслу она восходит к их началу, к упоминанию Бояна и Ходыны и их близости к когану-князю.

В окончательном виде текст авторской части фразы «Рекъ Боянъ и Ходына...» приобретает следующий вид: «Рекъ Боянъ и Ходына, Святъславля пѣтворца старого времени Ярославля Ольгова, Коганя хоти...». А ее буквальное переложение на современный русский язык звучит так: «Рекли (изрекли, возгласили) Боян и Ходына, Святославовы песнотворцы старого времени Ярославова, Олегова, Когановы любимцы (рачители, присные)». Грамматический строй и лексика припевки Бояна и Ходыны не сопряжены с лексикограмматическими особенностями предшествующей авторской части фразы, и это избавляет от необходимости анализа припевки в данной статье.

Хочу надеяться, что опущенная столетиями завеса над текстом «Слова» и фразой «Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля пѣтворца...» зримо поднята в статье и в предлагаемом прочтении делает ее годной для включения в буквальный текст и дословный перевод «Слова», ожидающий своего осуществления в течение двух веков, истекших со времени публикации первого издания памятника.*

---

* Сердечно благодарю филолога-специалиста 1-й кафедры русского языка факультета славянских филологий Софийского Государственного университета Надю Делеву, любезно принявшую на себя труд по оформлению статьи.